

Глава 8. Освобождение

Лето 1943 года.

К этому времени в войне наметился перелом. Красная армия наступает и теснит немцев. С востока дует радостный ветер освобождения.

Все в курсе событий – даже мы, пацаны. Рассуждаем о нашем грозном оружии – многоствольных минометах, которые наводят панику на немцев. Называются они «Катюша». Слышали мы еще и о каких-то «Ванюшах», но толком не знаем, что это такое. У немцев тоже есть большие бомбометы, но наши лучше...

Откуда брались новости?

Служащие на станции о состоянии дел на фронтах догадывались по изменению характера грузоперевозок, которые проходили через наш узел. О событиях на фронте сообщали партизаны, имевшие связь с «Большой землей». О них догадывались мы и по настроению стоявших в нашем селе немцев-тыловиков... Иногда они и сами делились с нами тяжелыми для них новостями.

Однажды два немца «напросились» к нам на обед. Чтобы нас не обидеть, выложили на стол принесенные с собою консервы, еще какой-то харч и лишь попросили: «Хозяйка, свари картошки!» Непрошеным гостям отказать было невозможно.

Один из немцев – «наш». Тот самый, которого я уже упоминал и который хорошо говорил по-русски⁴¹². Второй – его новый товарищ. Оба угнетены и крайне опечалены.

Рассказывают.

В последние дни июля англичане и американцы совершили ряд массированных авианалетов на Гамбург. В каждом из налетов принимали участие до 800 тяжелых бомбардировщиков; на город были сброшены тысячи тонн фугасных и зажигательных бомб! Последствия ужасающие...

Несколько дней в городе бушевал огненный смерч; в море огня кипел на улицах асфальт, горело всё, что могло гореть. Ад! Погибли десятки тысяч жителей, около 200 тысяч были ранены, обожжены и на всю жизнь сделались калеками; разрушено свыше 200 тысяч зданий, около 800 тысяч человек остались без крова...

Вот что случилось со вторым городом Германии... Будь проклята эта война!

Товарищ «нашего» немца показывает семейную фотографию: вот – я, это – моя фрау, дети... Что с ними? Живы ли они? Известий от них не было давно...

В последнее время, добавляет «наш», в Германии в вермахт гребут всех подряд: солдат не хватает, вот взяли и моего нового друга... А знаете, кто здесь сидит? Это большой, большой артист! Но и его мобилизовали...

А тот вынимает из кармана новые фотографии. Вот он, с цветами благодарных зрителей, – на сцене довоенного Лондона, вот – в Париже, это уже – Америка...

Я наблюдаю за происходящим со стороны: мне и Николаю места за столом не досталось. Представленный артистом берет сигарету – и тут начинаются чудеса. В руке у немца сигарета то исчезает, то появляется снова; он засовывает ее в ухо, вынимает изо рта или носа... Затем проделывает что-то похожее со столовыми приборами, с яйцом... Вот это фокусник! (Сейчас я бы сказал: мастер оригинального жанра, иллюзионист.) После этого он начал «отрывать» себе пальцы на руке... Наконец объявил, чтобы все приготовились к главному: он «оторвет» себе целую кисть... Прямо чертовщина какая-то. Сейчас думаю: он, наверное, владел не только искусством манипуляции, но и гипнотическим внушением. Почему? Да потому что в этот момент моей матери – она сидела рядом с ним – сделалось совсем дурно... Она чуть было не потеряла сознание. Пошадив хозяйку, артист прекратил «выступление»...

Больше мы этого мастера сцены не видели, а вот «русский немец» спустя несколько дней удивил нас снова...

⁴¹² Смотри стр. 115.

Он сообщил, что их часть вскоре уходит из Малой Яблоновки, и откровенно признался, что решил... дезертировать из армии! Как это сделать, он еще толком не знает, но обязательно что-нибудь придумает...

Через пару дней прибегает. Радостный, улыбающийся: придумал! Рассказывает: накануне отъезда он выведет из строя свою машину – да так, чтобы, во-первых, никто не заподозрил его во вредительстве; во-вторых так, чтобы нельзя было быстро ее отремонтировать. Тогда его оставят возиться с машиной, чтобы поставить на ход, он отстанет от части, а там уже легче будет связаться с партизанами...

И действительно, за несколько часов до отъезда в прикрепленной к «нашему» немцу машине что-то важное «сломалось». Нужного запасного узла на месте не нашлось («наш» знал, что портить!). «План удался!» – ликовал в душе «диверсант».

Но не тут-то было! Послан мотоциклист на центральный армейский склад автозапчастей аж в самый Киев, и тот успевает вовремя привезти требующийся узел. В назначенное утро поникший духом, несостоявшийся дезертир выехал вместе со всей автоколонной из села...

Впрочем, это еще не конец истории. Мы увидели его еще раз и очень скоро. К вечеру того же дня немцы вернулись... обратно! Здорово перепуганные, подавленные... «Наш» информатор на этот раз был немногословен. По его словам, их колонна была уже далеко к западу от Смелы, когда они попали в партизанскую засаду⁴¹³. Понесли потери в технике и людях, и с трудом вырвались из западни... Пострадал даже командир части – тот самый офицер, который квартировал у бабы Липы Зименковой. Был ли он убит или ранен, не могу сказать – не помню. Помню только разговоры о том, что его автомобиль был весь изрешечен пулями... Поистине

Враг в своем тылу не знает,
Где его настигнет смерть.
Партизаны заставляют
Землю под врагом гореть.

Едва ли не на следующий день потрепанная колонна была погружена на платформы и на новое место дислокации отправлена уже эшелонам по железной дороге...

После ухода немцев из Малой Яблоновки нам стало спокойнее. Теперь мы могли свободно, без риска схлопотать неприятность от вражьих постояльцев, заниматься своими делами во дворе, расхаживать по улице и всему селу.

Конечно, осторожность и теперь оставалась нелишней: время-то тревожное. Старшие это понимали, а вот ребятам всё было нипочем.

Я ничем не отличался от сверстников и мог шляться, где заблагорассудится несмышленной ребячьей душе.

Однажды меня куда-то занесло, и я болтался там до самого вечера. Родные не на шутку растревожены, ищут по всем окрестностям. «Толика нема!» Нашелся сам, когда уже начало темнеть. Появился, точно помню, со стороны железнодорожной линии. Бабушка Мотя, взволнованная, встречает меня в огороде. «Батько, – говорит, – обіцяв всипати тобі ременя... йдемо швидше в хату!» (Сам отец еще не вернулся из поисков.) И тут же уложила в кровать «спать»: «Лежи тихо!» Порка, естественно, не состоялась. Почему? Во-первых, в семье придерживались правила: спящих детей – не тревожить. Во-вторых, у нас вообще было не принято применять к детям физическое наказание...

Взрослые всё чаще проводили досуг во дворе. Около колодца, прямо перед хатой, ставилась скамейка. Вокруг нее и собиралось семейное «общество». Ворота открыты, подходил кто-нибудь из соседей, подсаживался... Обменивались новостями, болтали о том о сем...

Погоды стояли отличные – тепло, но не жарко; ни ветерка, ни дождичка, небо чистое, голубое... Прислушиваемся и посматриваем на небо... Тишина...

⁴¹³ Партизанская разведка, отмечаю сейчас про себя, работала прекрасно – немецкую колонну, очевидно, «вели» с самого выхода из Смелы...

«Смотрите, смотрите!» – указывает вдруг кто-то из остроглазых наблюдателей на участок неба над Гречковкой. Напряженно всматриваемся... Нет, по-прежнему ничего не видно, ничего не слышно... Но вот кто-то из взрослых замечает высоко-высоко летящую точку, за ним ее находят остальные... И уже все толкуют: «Немец! За Днепр, гад, летит! Похоже, что «рама!» Так в просторечьи назывался немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф 189»⁴¹⁴!

Помню, я тогда был очень расстроен. А как же? Взрослые хоть и с трудом, но разглядели фашиста, а я, как ни напрягал зрение (даже слезы появились на глазах!), отыскать ту самую «раму» так и не успел. На какие-то секунды мне показалось, что я за нее уже «зацепился», но в следующее мгновение она растворилась в синеве неба.

На фронте, да и в тылу, все знали: появление «рамы» – скверный знак. Пролетел разведчик, жди за ним бомбардировщиков и бомбовых ударов...

Следим за небом еще внимательнее...

И вот, со стороны Великой Яблоновки, доносится слабенький, едва слышимый, гул. На фоне неба, проявляется мелкая иссера-серебристая рябь. Скоро она начинает принимать вид неоднородной массы немецких самолетов... Десятки построенных звеньями «бомбовозов»⁴¹⁵, натужно гудя, тянутся на северо-восток – в сторону фронта. Верхним эшелонном идет сопровождение – истребители прикрытия.

Спустя какое-то время фашистские налетчики появляются в нашем поле зрения снова. Отбомбившись, они возвращаются на свои аэродромы базирования. Теперь –налегке, без бомбовой нагрузки – немцы спешат и, стараясь быстрее выйти из зоны действия наших истребителей, летят уже рассеянными группами...

Когда их настигают краснозвездные «ястребки», над нашими головами раскручивается огромная, в полнеба, круговерть. Самолеты роятся в нём словно пчелы. Атакуя противника или отрываясь от него, они кружатся во всех плоскостях – закладывают глубокие виражи, развороты; с воем ныряют чуть ли не до земли в пике, после чего, ревя, взмывают ввысь... При этом палят друг по другу из всех стволов... Впечатляющее зрелище!

Ожесточенные групповые воздушные схватки в тот период времени мы наблюдали неоднократно... Но странное дело! При всей масштабности подобных баталий мы ни разу не видели чьих-либо сбитых или хотя бы подбитых самолетов!..

Важное событие в моей жизни произошло в последних числах августа.

Во двор зашел какой-то дядька и – прямо к нашему «наблюдательному посту» около колодца. «Це ваш хлопчик? – показывает на меня и продолжает: – Я учитель малоаяблунівської школи. В минулому році дітки у нас навчались, а зараз не знаю, як буде. Розумію, час тривожний, але ж скоро наші прийдуть... Так що затримуватись з навчанням безрозсудно. Тож ходжу і дивлюся: чи набереться клас цього року? Що скажете, вашого записувати?»

Я был рядом и прекрасно понимал, о чём шла речь. «Что скажут родители?» – волновался я. Мама согласна: да, Толе в школу идти пора, но вот с подготовкой у него не всё в порядке – он, мол, даже до десяти как следует считать не умеет... Да и боится он школы, лукаво поглядывая на меня, добавила мама. Она намекала на тот страх, которым я, трусишка, заболел еще до войны после рассказов брата: в школе во время прививок детей «пытают» ужасно болезненными уколами!

Дяденька-учитель, узнав, в чём дело, успокоил меня: «Так це ж було до війни, при радянській владі, зараз таке не буває. Так що, хлопче, не бійся». И уже к маме: «А ви, матуся, не турбуйтеся, ми беремо усіх. Нехай приходить до нас, який є». Итак, решено: я определен в школу!

Канун назначенного дня. Спальня. Стою в углу, оклеенном старыми, пожелтевшими от времени, газетами. Волнуюсь, тупо рассматриваю на них загадочные, непостижимые моему уму значки – БУКВЫ! Заходит мама: «А що ти тут робиш?» – «Ма, а чи правильно я

⁴¹⁴ Прозвище свое он получил из-за своего необычного внешнего вида.

⁴¹⁵ Так мы иногда называли бомбардировщики.

рахую? Один, два, три, чотири, п'ять, шість... А далі як?» Раньше я прекрасно обходился небольшим счетом – вроде «раз, два, три, много». Считать до большего числа просто не было нужды. Сейчас этого уже было недостаточно... Мама: «Далі буде: сім, вісім, дев'ять, десять» – «А далі?» Мама проговаривает счет во втором десятке, третьем... и так до ста. И тут меня осенило: в момент я уразумел счет десятками и всю систему счета до ста! Ура!

Мама – вот моя первая учительница! Начала грамоты достались ей в детстве от родителя ее, моего деда Луки. Теперь кое-что из этого, а именно азы арифметики, передавала по семейной линии дальше уже моя родительница...

В школу в назначенный день топаю бодро, в приподнятом настроении. Никто меня за ручку, естественно, не ведет. Во-первых, потому что в те времена дети моего возраста были приучены к самостоятельности. Самостоятельности, которая нынешним изнеженным, избалованным чрезмерной родительской опекой ребятам, и не снилась. Во-вторых, потому что дорога в школу мне была хорошо знакома еще с довоенного времени: ведь устроена она была в сельском клубе.

В зрительном зале собралось нас с десятков, все – мальчики. Расставили скамейки (никаких парт или столов не было), расселись. Учителем сказано было какое-то вступительное слово, и сразу – первый урок. Пели кто во что горазд за учителем украинские народные песни. После этого получили «домашнее задание» к завтрашнему уроку арифметики каждому следует вырезать 10 палочек. (Будем осваивать простейшие арифметические действия!) На том и были распущены... Домой я возвращался с новым приятелем-одноклассником. Вернувшись на свою окраину, мы разошлись: мой дружок повернул к речке, я подался по «своим делам» куда-то еще... Домой пришел лишь под вечер...

Следующий день моей «школьной жизни» оказался не менее памятным, чем первый. Идя поутру в школу и находясь уже в центре села, я вдруг... вспомнил о «домашнем задании». Палочек я так и не приготовил! Какое наказание ждет меня?.. Лихорадочно ищу выход... Сварганить злополучные палочки из подручной мелочи, попадавшей по дороге? Но голыми руками, без ножика, не получается, да и не успеть уже... Затею оставляю – будь что будет! Являюсь в «класс»... Оказывается, о счетных палочках... забыли все! Шалопаи! И я успокоился: за невыполненное задание легче отвечать гуртом...

Но и до этого дело не дошло. Еще до начала уроков в «класс» (зал клуба) зашел кто-то из сельской управы и объявил: немцы приказали школу закрыть, тут у них будет военный госпиталь. «Так що, хлопчики, повертайтеся додому, школи більше не буде!»

Такой у меня была первая «школа»...

Прошло недели две.

«Гуляем» как-то в нашем дворе у колодца с соседским парнишкой (семья его занимала свободную хату уехавшей в эвакуацию Ольги Вакуленко⁴¹⁶). Он был чуть старше и разбитнее меня. А ты знаешь, говорит, на станции, в поселке⁴¹⁷ школа еще работает. Может, махнем туда, запишемся?

Никто из нас в поселке раньше не бывал. Не знали мы, и где эту самую школу там искать. Одно понятно: надо было двигаться в сторону Холодного...

Недолго думая, перебрались через насыпь железнодорожной линии и потащились по той самой дороге, которую я уже описывал⁴¹⁸. За мостиком через ручей, слева от дороги, начинались, судя по всему, улицы искомого поселка. На какую из них свернуть? Первая не приглянулась, повернули на вторую, идем – приглядываемся... Где-то ближе к середине улицы останавливаемся: вот она – школа! Сквозь открытые окна видны ребяташки – идет урок. Ни у кого ничего не спрашивали (да, впрочем, и спрашивать было не у кого: улицы были почти пустынными), и вот, пожалуйста, сразу вышли, куда надо. Действительно: «Кто ищет – тот всегда найдет!»

⁴¹⁶ См. страницу 12.

⁴¹⁷ Поселок за урочищем Холодное, который у меня уже не раз упоминался (см. стр. 5–8, 52, 108).

⁴¹⁸ См. страницу 108.

Дождались перерыва... Учительница, строгая тетенька, выходит на крыльцо. Стоя в отдалении, мы пока не знаем, как к ней подступиться. Тем временем к мадам подходит молодой немец и о чем-то с ней заговаривает. Видно было, что она с ним не соглашается, спорит... Мы волнуемся: неужели фашисты и эту школу закрывают? Наконец немец уходит, и она обращает внимание на нас...

«Хлопчики, а вы до кого?» – «Тітонько, візьміть нас в свою школу!» – «А чому так пізно?» – «Так ми ж з Малої Яблунівки, нашу школу закрили» – «Але вам же буде далеко ходити... Та й пізно вже, ви ж досить-таки відстали: ми майже всю азбуку пройшли. Я з вами окремо возитися не буду» – «Ми теж всі букви знаємо!» Не сознавая, чем для нас может обернуться наш обман, продолжаем наперебой уговаривать требовательную наставницу. И она сдается: «Ну, добре, приходьте завтра з ранку... Тільки не запізнуйтеся!»

Пришли, не опоздали. Сидим, дрожим... Может обойдется, может учительница не будет проверять наши знания? Нет, не обошлось – испытание началось сразу! «А це яка буква, а це яка? – спрашиває одного, другого. А мы, как говорится, ни бе ни ме ни кукареку... «Ах вы, обманщики! Щоб я вас тут більше не бачила!» – разгневалась экзаменующая. И мы с позором покинули класс.

Наш поход в Холодное был чистой самодеятельностью, и родители, уверен, о нём не знали.

Такой у меня была вторая «школа».

В свои зрелые годы, будучи уже состоявшимся человеком, ученым и педагогом, я не раз вспоминал эту самую школу «в поселке». Мы тоже были не лыком шиты, говаривал я, когда заходила речь об учебе в былое время и приходилось сравнивать старые поколения и современную «продвинутую» молодежь. Мы сами шли «записываться» в первый класс, и нас туда за руку не водили. Нашими делами в школе родители интересовались мало: видимо, знали истину о том, что люди, добившиеся успеха в жизни, нередко в школе бывали плохими учениками. И, чтобы развлечь слушателей своим «неординарным» прошлым, шутя, добавлял: «Меня, к примеру, даже выгоняли из школы!»...

В конце сентября война гремела уже у Днепра.

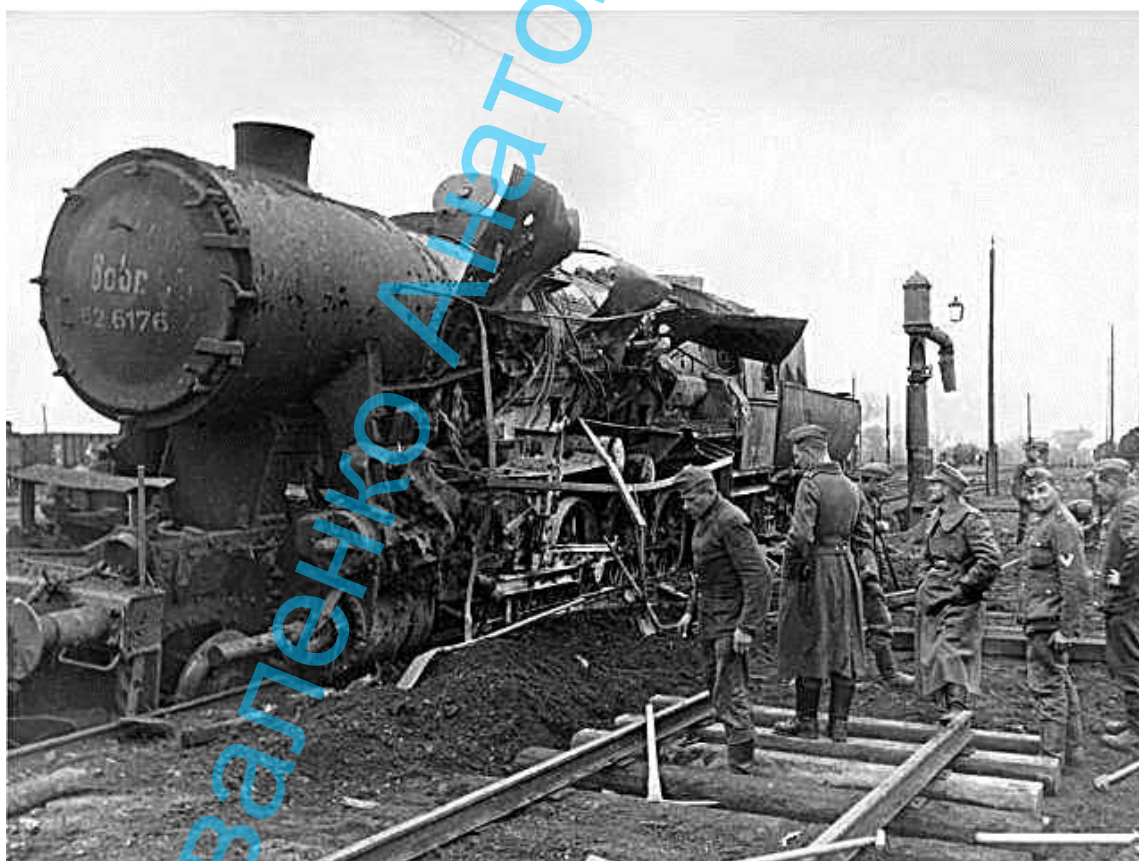
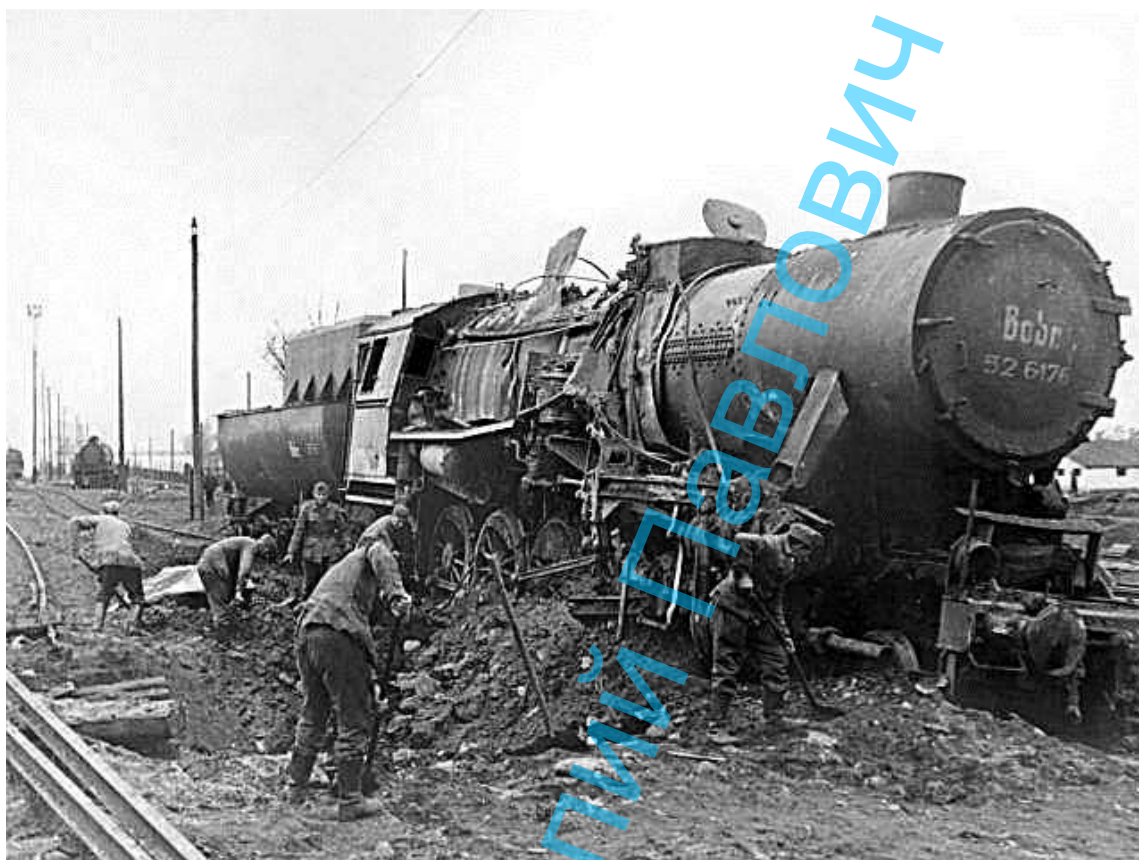
Присмирели предатели. Наш уличный гонитель, уже упоминавшийся ранее Гордиенко, понимая, что ему рано или поздно придется расплачиваться за пособничество оккупантам, стал искать возможности загладить свою вину – хотя бы перед уличными соседями. Зачастил к нам, настойчиво предлагая вернуть отобранную у нас корову: «Приходите на заготпункт и выбирайте любую!» Наши упрямылись: корова-то чужая, а что будет, если когда-нибудь ее узнает настоящий хозяин? Отказывались, отказывались, но Гордиенко продолжал упрашивать. Тогда в семье решили: корову взять и зарезать на мясо. Что и сделали. Мясо было продано, а на вырученные деньги были куплены три пары добротных немецких рабочих ботинок – отцу, деду и Николаю⁴¹⁹...

Мы по-прежнему регулярно выносим во двор скамейку и собираемся компанией у колодца – ловим, обсуждаем слухи, новости.

Иногда посиделки затягиваются чуть ли не до полуночи – ждем очередного сюрприза от партизан. Они регулярно устраивают диверсии на линии Бобринская – Знаменка: взрывают железнодорожное полотно, пускают под откос вражеские эшелоны... Частенько это происходит сразу за Великой Яблонькой (между второй и третьей остановками рабочего поезда). Вспышки на горизонте от этих взрывов прекрасно видны с нашего «поста», ведь нас и местá диверсий разделяют считанные километры...

⁴¹⁹ Что же касается Гордиенко, то после войны он был осужден, отсидел свое и затем какое-то время тихо работал грузчиком в депо.

Странные порою происходят метаморфозы со временем и судьбами людей. Совсем недавно узнаю: «Гордиенко Георгій Микитович... мешканец с Мала Яблунівка» (арестованный в **1945 году** и вскоре осужденный за измену Родине к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества) был в **1999 году**... реабилитирован прокурором Черкасской области (смотри <https://cherkasy24.info/20556-pedagogi-cherkaschini-zhertvi-totalitarnogo-rezhimu.html>)! Верный служака оккупантов, приносивший горе в сотни семей Смелянщины записан в жертвы сталинского тоталитарного режима! Такое могло произойти лишь в теperшейней Украине. Для ее «патриотов» история – что дышло: куда повернул – туда и вышло. О времена!

64. Результаты партизанской диверсии.

Повреждения паровоза, приписанного к депо станции Бобринской, на одном из рельсовых путей под Знаменкой (виды с разных сторон). Октябрь 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Всё чаще в окрестностях Бобринской появляются уже наши самолеты. Вот, говорят, кто-то видел, как фашистский истребитель гнался за нашим «небесным тихоходом». Немец уже было настиг его и был готов расстрелять, но тот неожиданно юркнул к земле и – к посадке, к огородам... Так и потерялся из виду. Он будто бы даже совершил посадку... на свободном кукурузном пятачке. Когда опасность миновала, летчик сумел поднять его в воздух и улетел. Самое для нас удивительное: тот самолет якобы пилотировала... женщина! Радуюсь, гордись...

Однажды к станции пробилась целая группа наших бомбардировщиков. И тут началось. В очередной раз в небе завертелась смертельная карусель.

Истребители – свои, из сопровождения, и вражеские, пробивающиеся к бомбардировщикам – носятся друг за другом. Стрекочут авиационные пулеметы, пушки; гулко бабахают зенитки, разрывы их снарядов белыми облачками разукрашивают высь... Какие-то осколки или снаряды на излете сыплются с неба по крышам... Что-то громко шлепается совсем рядом со мною – раз, другой, третий... Мне страшно, я в растерянности...

Вместо того чтобы укрыться в хате или сарае, бегу к дедушкиному «погребу» за колодецем. Но спуститься в яму не могу: нет лестницы, да и крышка-ляда заперта... Падаю на нее ниц; распластавшись и закрыв затылок руками, лежу в оцепенении... Прихожу в себя, лишь когда прекращается опасный градобой...

Отмечу еще одну мелочь: в тот раз я был дома один – где находились тогда взрослые, сказать не могу...

Памятный след в моей памяти оставил еще один налет наших бомбардировщиков.

Был пасмурный, по-настоящему осенний день. Сидим все в хате. Со станции время от времени доносятся приглушенные расстоянием бомбовые разрывы. Однако выходить на улицу и смотреть, что там и как там, охоты нету. Такое ведь не впервой.

И тут вдруг, кажется, совсем рядом, ахнуло – да так, что задрожала земля, затряслась хата! Я, по малолетству не чувствующий опасность, захотел было выйти во двор разведать, что произошло, но меня не пустили...

На следующий день от соседей, лично видевших вчерашний налет, узнаем следующее. Самолеты появились над станцией внезапно, их было около двух десятков. Они выныривали из-за низких туч и тут же сбрасывали бомбы. Один из них вышел на бомбометание настолько неточно, что оказался на подлете к Малой Яблоновке. Не имея возможности совершить маневр для прицельного бомбометания, он сразу освободился от мощного фугаса, разрыв которого так потряс окрестность. На лугу, в конце усадьбы Виктора Фурсенко⁴²⁰, образовалась здоровенная воронка – метров 6–8 в диаметре и около 2 метров глубиной. Замечены были еще и две маленькие воронки: одна опять же на лугу, но только ближе к станции – около «Бакай»⁴²¹, вторая – сразу за железнодорожной линией, как раз напротив огорода Вали Зайченко. Большая воронка после весенних половодий заполнялась водой – мы в ней купались и ловили попавших туда рыбок. На протяжении ряда лет после войны она оставалась на лугу одним из тех мест, куда тянулась окрестная детвора. А вот маленькие воронки очень скоро затерялись...

В ноябре наши войска местами сражаются уже на правом берегу Днепра. 6 ноября освобожден Киев, на следующий день – Фастов... Наступление стремительно развивается. 13 ноября захвачен плацдарм на правом берегу в районе Черкас⁴²². От Смелы каких-то 35–40 километров!

В течение месяца идут ожесточенные бои за Черкассы. 29 ноября освобождены Русская Поляна, Дубиевка... 10 декабря наши части полностью овладевают Знаменкой, 12 декабря освобожден Чигирин... Продолжаются уличные бом в Черкассах...

⁴²⁰ См. позицию 15 на карте 4 (стр. 10).

⁴²¹ См. «Бакай» рядом с усадьбами 13 и 14 на карте 4.

⁴²² Уже упоминавшийся ранее плацдарм около села Свидовок.

Черкаскы окончательно освобождены 14 декабря. Воспользовавшись отступлением противника, наши части преследуют его в направлении на Смелу. Попытка с ходу форсировать болото Ирдынь и овладеть Смелой успехом не увенчались.

15 декабря наши войска занимают рубеж северная окраина Белозерья – станция Белозерье и далее по левому берегу Тясмина: Хацки – Степанки – Большой Бузуков – Вергуны – Нечаевка – Думанцы...

Смела, с ее крупным железнодорожным узлом, становится теперь для немцев важнейшим пунктом обороны и центром сосредоточения резервов. Она сразу же берется «под прицел». Из оперативной сводки Советского Информбюро за 16 декабря: *«Наши летчики при налете на железнодорожную станцию Смела⁴²³ взорвали воинский эшелон противника»*.

Неудача одноразовым приступом захватить Смелу с севера и быстрый выход к левому берегу Тясмина побудил наше командование принять решение сначала как следует закрепиться на рубеже, достигнутом 15 – 16 декабря, а решительное наступление отложить до более подходящих условий.

Реконструкцию последующих событий буду проводить главным образом по архивным материалам интернет-портала «Память народа»⁴²⁴, а также воспоминаниям – своим личным, семейным и своих односельчан. Дабы не загромождать текст, ссылки на перечисленные здесь источники без особой необходимости делать не буду.

⁴²³ Строго говоря, здесь имеется в виду расположенная в Смеле станция Бобринская.

⁴²⁴ Источник 1. 373 сд. Боевой путь дивизии. <https://pamyat-naroda.ru/warunit/373+%D1%81%D0%B4/>.
Источник 2. Журнал боевых действий 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133726543>.
Источник 3. Журнал боевых действий 373 сд <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=135635428>.
Источник 4. Журнал боевых действий 931 пап 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451010095>.

Источник 5. Схема боевых действий войск 52 А за январь 1944 г. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100200695>.

Источник 6. Журнал боевых действий 78 ск. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451001923>.

Источник 7. Выписка из журнала боевых действий 78 ск. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110259729>.

Источник 8. Выписка из журнала боевых действий 78 ск. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136690627>.

Источник 9. Отчетная карта с 8.1.44 по 26.1.44. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=101109147&>.

Источник 10. Боевое донесение штаба 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=113448139>.

Источник 11. Боевое донесение штаба 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=113448140>.

Источник 12. Оперативная сводка штаба 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=113448141>.

Источник 13. Карта решения на оборону. Приложение к боевому приказу № 003 от 16.1.44. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100312906>.

Источник 14. Отчет о боевой деятельности артиллерии 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455137589>.

Источник 15. Журнал боевых действий 52 А. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132882350>.

Источник 16. Журнал боевых действий 52 А. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136831696>.

Источник 17. Журнал боевых действий 52 А за январь месяц 1944 г. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=10232131>.

Источник 18. Доклад штаба артиллерии 373 сд о деятельности артиллерии противника и о деятельности своих органов разведки. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455137587>.

Источник 19. Журнал боевых действий 1237 сп 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131887829>.

Источник 20. Отчетная карта с 15.12 по 31.12. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100329204>.

Источник 21. Карта решения по захвату ж/д узла Смела. (Приложение к боевому приказу № 0024 от 16.12.43). <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100312728>.

Источник 22. Журнал боевых действий 373 сд. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131665000>.

Источник 23. Карта решения на оборону 52 А (Приложение к приказу № 0025) от 26.12.43). <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100312877>.

Источник 24. Выписка из журнала боевых действий 78 ск. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136690624>.

Источник 25. Журнал боевых действий 52 А. <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136831695>.

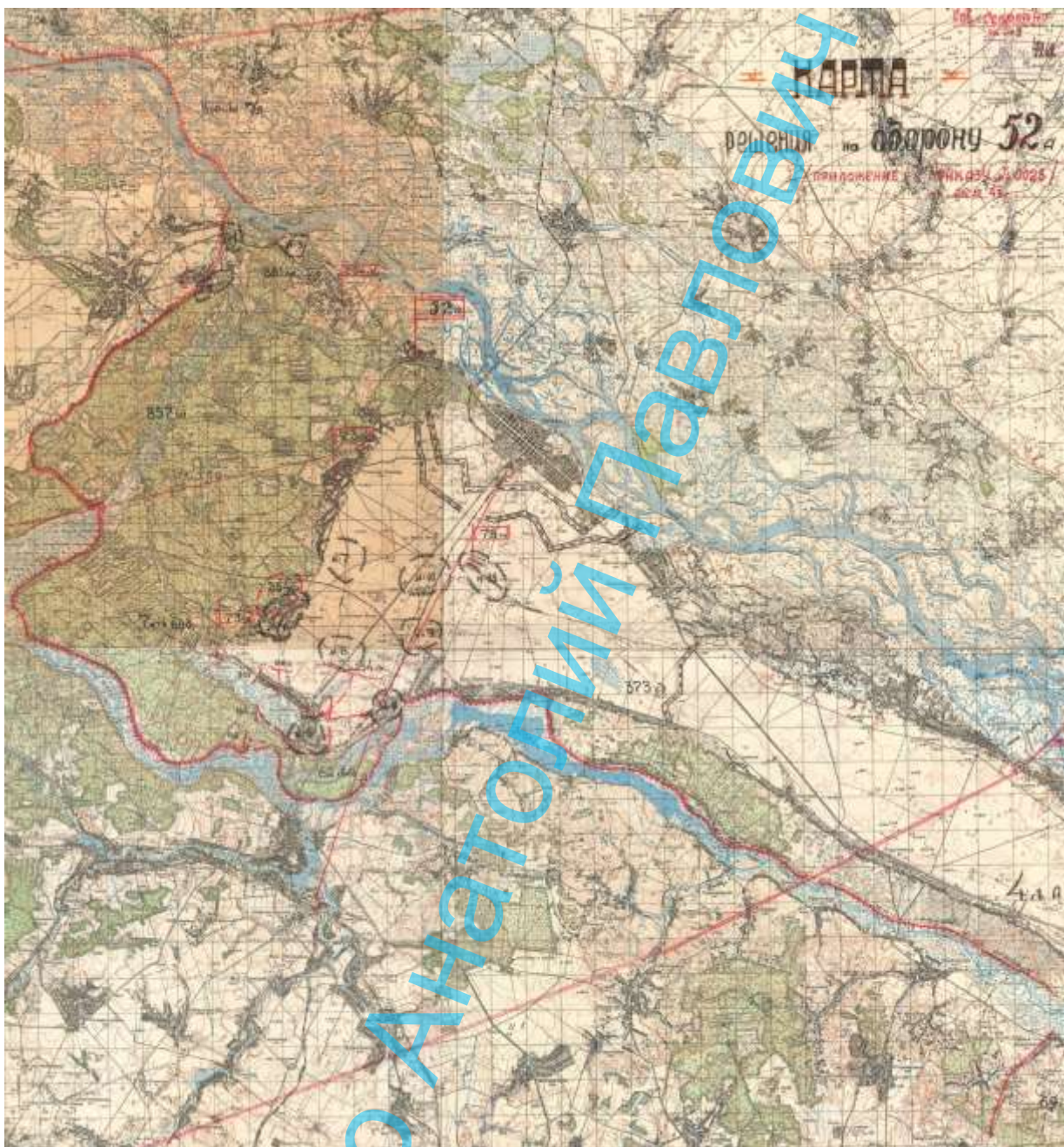
65. Фрагмент «Карты решения по захвату ж.д. узла Смела». (Приложение к боевому приказу № 0024 от 16.12.43)

Рубеж по Тясмину, занятый нашими войсками в середине декабря, в основном обороняла 373 стрелковая дивизия⁴²⁵, входившая в состав 78 стрелкового корпуса 52 армии.

Линия фронта держалась здесь в течение трех недель.

Фронт находился совсем рядом – километрах в пятнадцати от нас. Мы уже явственно ощущали его близость, но что там происходит, толком не знали. Нарастали новые страхи. Как немцы поведут себя с населением при отступлении; как уберечь хату, имущество, когда разразятся бои и у нас? Что будет с теми, кто «служил фашистам», когда придут наши? Ведь взрослые мужчины и подростки, которые вынуждены были идти «работать» к немцам, встречались почти в каждой семье...

⁴²⁵ Ее полное название стрелковая Миргородская Краснознаменная дивизия – сокращенно: **смкд**, **мксд** или просто **сд**. В использованных документах упоминаются наименования следующих частей и подразделений дивизии: стрелковые полки – 1235 сп, 1237 сп, 1239 сп; артиллерийский полк (пушечный артиллерийский полк) – 931 ап (пап); 439 отдельный саперный батальон (осб)...

66. Фрагмент «Карты решения на оборону 52 А».
(Приложение к приказу № 0025 от 26.12.43)

Между тем «стояние на Тясмине» продолжалось...

«Части дивизии... производили работы по оборудованию своих участков обороны в огневом и инженерном отношениях». Обустраивали взводные и ротные опорные пункты, развивали хода сообщения; действиями усиленных разведгрупп прощупывали прочность обороны немцев; обменивались с ними артиллерийско-минометным огнем.

С начала 1944 года дивизия стала получать пополнение рядового и сержантского состава, в оперативное ей подчинение были введены 1322 иптап⁴²⁶, 4-й заградотряд, рота 366 черкасского инженерного батальона.

Участились серьезные столкновения с противником.

⁴²⁶ Истребительно-противотанковый артиллерийский полк

Запись в «Журнале боевых действий дивизии...» за 6 января 1944 года:

«В ночь на 6.1.44 продолжались активные действия разведчиков. Разведгруппы 1237 и 1235 сп при попытках проникнуть в расположение противника были замечены, обстреляны пулеметным огнем и возвратились безрезультатно.

Разведгруппа 1239 сп в составе 7 человек проникла на западную окраину Белозерье и ворвалась в дом, где находилось до 10 солдат противника. В результате возникшего боя, немцы были уничтожены, захваченный в плен один солдат противника умер от ранений по дороге. Разведгруппе удалось захватить легкий пулемет противника. Активничала также немецкая разведка.

Разведгруппа пр-ка численностью 25 – 30 человек в течение ночи на 6.1.44, дважды пыталась проникнуть в расположение 1239 сп, но была своевременно замечена, обстреляна пулеметным огнем и отошла обратно.

На рассвете 6.1.44 немцы усилили артиллерийско-минометный огонь, а затем в 8.00 6.1 группой пехоты до 100 человек при поддержке 4-х танков и артиллерийско-минометного огня с глубины начали наступление вдоль железной дороги, идущей с Белозерье на Черкассы. Противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 500 м в стыке 1237 и 1239 сп и потеснить наши подразделения.

Принятыми мерами прорыв немцев был быстро ликвидирован и к 12.00 6.1.44 части дивизии восстановили прежнее положение. Во время боя уничтожено до 15 гитлеровцев и на минном поле подорван один танк; последний отбуксирован противником.

Наши потери: убито – 9 человек, ранено – 11 человек. Выведено из строя два противотанковых орудия – 1239 сп и один станковый пулемет 1237 сп».

По всему чувствовалось: будни «стояния на Тясмине» заканчиваются...

«Лед тронулся» 7 января.

Холодноярские партизаны, изнуренные в последнее время непрерывными боями с немцами, не выдержав их давления, ринулись в прорыв через вражескую линию обороны – на другой берег Тясмина. К своим! За партизанами двинулась и многотысячная масса жителей окрестных сёл...

Из того же «Журнала боевых действий...»:

*«В 4.00 7.1.44 в районе **Замятницы**⁴²⁷ начали переход через р. Тясмин на нашу сторону партизанские отряды Дубового⁴²⁸ и Боровика⁴²⁹, вышедшие из урочища Холодный Яр. В течение 7.1.44 перешло к нам около **2 тысяч** партизан и до **5000** мирного населения⁴³⁰. Переход партизан прикрывался огнем артиллерии дивизии и артиллерийско-минометным огнем подразделений 1235 сп».*

Уточнение из другого документа:

«На переправе партизаны вели бой с противником. По району переправы противник оказывал сильное огневое воздействие (до 300 выстрелов)».

Бой на участке обороны 1235 сп продолжался и 8 января: партизаны продолжали пробиваться на нашу сторону.

В этот же день дивизия двумя усиленными отрядами провела разведку боем северо-западнее Белозерья и в районе Головятино. Нанесен значительный урон противнику.

Между тем прибывающие партизаны сообщали: немцы готовят уничтожение 25 000 советских граждан, скопившихся в районе урочища Холодный Яр, Замятница, Лубенцы.

Надо было их спасти от неминуемой гибели. Командиру 1235 сп отдан приказ: переправиться через Тясмин и внезапным ударом сорвать планы фашистов.

⁴²⁷ Здесь и далее выделения мои.

⁴²⁸ Известный уже нам командир партизанского отряда им. Сталина.

⁴²⁹ Командир холодноярского партизанского отряда «Москва». Полное имя его забыто. Партизанские мемуары называют его Боровиковым: Иван Боровиков, I.M. Боровиков, M.I. Боровиков...

⁴³⁰ В боевых документах встречаются и другие цифры: «около **1200** партизан и около **6000** мирных жителей»; «до **1500** партизан и до **10000** мирных жителей»...

«В 24.00 8.1.44 1235 сп отрядом в 75 человек, усиленным пулеметами и взводом саперов, при поддержке артиллерийско-минометного огня, переправился через р. Тясмин в районе Деменцы. Не встретив сопротивления противника, отряд овладел Деменцы, Лубенцы.

В 2.00 9.1.44 введен в действие второй батальон 1235 сп и вооруженные группы партизанских отрядов Дубового и Боровика (общей численностью до 500 чел.). Преследуя группы отходящего противника, батальон совместно с партизанами к 7.00 9.1.44 овладел районом Чубовка, х. Первомайский, Куликовка, Замятница и лес южнее Лубенцы...»

«В течение 9.1.44 дивизия силами 1235 сп и партизанских отрядов продолжала наступление в направлении Сунки, Смела.

В 9.00 9.1.44 третий батальон 1235 сп переправился через р. Тясмин и овладел Гуляй-Городом...»

Второй батальон «1235 сп совместно с партизанами в течение дня овладел восточной окраиной Плискачевка, северной окраиной Завадовка...»

67. Схема боевых действий 373 стрелковой дивизии 9 января 1944 года

В полночь с 9 на 10 января в наступление переходят главные силы дивизии.

К исходу 10 января части дивизии овладели населенными пунктами: Белозерье, жд. станция Белозерье, Хацки, Залевки, Малый Бузуков, Головятино, х. Мерли, Ододовка, Жаботин, Плискачевка, х. Шевченко, Сунки, х. Ленин...

Наши части уже на подходе к Гречковке. Вечерний небосклон за ней блистает фейерверком разноцветных ракет и трассирующих пуль... Картина эта запомнилась мне на всю жизнь...

11 января.

Утром становимся свидетелями еще одного, на сей раз нерадостного, зрелища.

Фашисты жгут Гречковку. Всё – как на ладони. Надо сказать, что в предвоенные годы Гречковка оставалась редко застроенной, еще не заросла деревьями, и хорошо просматривалась с нашего двора в любую пору. Вот и сейчас наблюдаем, как немцы с факелами проходят от хаты к хате по ее главной улице и поджигают соломенные крыши...

Тут и к нам во двор заходит хмурый «фриц» с автоматом. Приказано срочно, до 2 часов дня⁴³¹, убраться из дома. Жителей выселяли со всей нашей Первомайской улицы, по которой должен был проходить у немцев их новый рубеж обороны...

Всё нажитое с собою не заберешь. «Ценности» – столовую посуду⁴³² и еще что-то – прячем в дедушкином погребке-яме во дворе и прикапываем его, чтобы замаскировать «клад». Мамину швейную машинку убрать не успеваем: она так и остается в хате. Запас харчей и еще какие-то вещи первой необходимости спешно укладываем на санки и – в путь, навстречу тяжелой неизвестности.

Далеко уходить от семейного гнезда не хотелось, но ближайшие окрестности нашей улицы были уже забиты беженцами. К примеру, в хате на соседней к нам улице Станиславского, где остановилась семья Володи Скрынника, набилось человек 40. Из его письменного свидетельства: «...Могу отметить, как мы жили в том доме... В большой комнате было 30 человек беженцев из Смелы⁴³³, спали на полу, а мы были в более „привилегированном“ положении – нас на кухне и в прихожей было 9 человек»...

Тащимся вглубь села. Приют находим лишь в районе нынешней Клубной улицы, где-то посередине между центром села и железной дорогой. На левой стороне той улицы (если смотреть от клуба) стояли лишь две хаты. В одну из них и пустила нас одинокая, но с ребеночком на руках, хозяйка...

Что представляло собою наше прибежище? Пустой двор – колодца нет, из построек лишь хатка да практически открытое отхожее место за ней. Домишко – временка с единственным помещением. Оно же жилое и кухня с плитой. И – никакой обстановки, только один угол завален кукурузными початками... Нас теперь 9 человек: хозяйка с ребенком, наша семья из 6 человек да откуда-то взявшийся Яков Ревенко – наш родич, он же отец ушедшего к партизанам Леонида Ревенко.

А тем временем части 373 стрелковой дивизии продолжают наступление...

«К 14.00... 1235 сп и 1237 сп, сломив сопротивление аръергардов противника, овладели д. Гречковка, где начали сосредоточение для наступления на ст. Бобринская, Бол. Яблоновка⁴³⁴, Мал. Яблоновка.

1239 сп... прикрыл дороги, идущие со Смелы на Залевки, Сунки, вел в течение дня подготовку к силовой разведке на восточную окраину Смела.

С 20.00... части дивизии перешли в наступление».

12 января.

«...Дивизия в ночь на 12.1.44 главными силами форсировала р. Тясмин на участке Гречковка – Бол. Яблоновка. Направление полков разделялись следующим образом:

1237 сп – действовал на ст. Бобринская;

1235 сп – на Мал. Яблоновка;

1239 сп – восточную окраину Смела⁴³⁵.

⁴³¹ Это время называл Владимир Скрынник, отличавшийся неординарной памятью на всякие мелочи.

⁴³² У нас был по тем временам дорогой набор тарелок и блюдо с клеймом «РККА».

⁴³³ От старожилов, свидетелей тех дней, знаю, что немцы в Смеле выгоняли жителей со всей полосы предстоящей обороны. Кто-то из них находил пристанище в Малой Яблоновке, кто-то – в Ковалихе, кто-то пробивался даже до Сунок...

⁴³⁴ Так записывалась в боевых документах **Большая** Яблоновка. Мы, местные жители, обычно называем ее **Великой** Яблоновкой.

⁴³⁵ То есть на Загреблю.

1237 сп, форсировав р. Тясмин и сломив упорное сопротивление противника, к 3.00... захватил восточную часть ст. Бобринская⁴³⁶. В 3.00... противник подбросил на автомашинах до ста человек пехоты и при поддержке двух танков два раза контратаковал наступающие подразделения полка.

В 8.00... противник произвел по боевым порядкам полка артиллерийско-минометный налет, после чего силой пехоты до 100 чел. и пятью танками перешел третий раз в контратаку. Подразделения понесли потери и были оттеснены на исходное положение (северная окраина Гречковка)».

По словам бывшего рядового 1237 сп⁴³⁷, в том бою участвовала рота под командованием старшего лейтенанта Ракитянского. Ее бойцам удалось тогда даже проникнуть на территорию паровозоремонтного завода.

Свидетелем того боя была и уже упоминавшаяся мною Жанна Юрченко.

Проживала она тогда, как я уже писал, в Куту – на улице, которая в советское время носила название Ленинградской⁴³⁸. Получилось так, что семья Жанны продолжала находиться в своей хате и после «эвакуации» жителей с передовой, как это было накануне в самой Смеле, Малой Яблоновке и сожженной Гречковке. О том, что там еще кто-то мог оставаться, немцы не знали. Ставни окон были глухо закрыты, наши вели себя скрытно – наружу и носа не показывали. Было похоже, что дом «тифозный», а в такие места немцы соваться не рисковали...

Короче говоря, в ту ночь Жанна находилась в самом центре событий – собственными глазами (сквозь просветы в ставнях!) видела, что творилось вокруг. Один из немецких танков занимал позицию прямо у них во дворе и обстреливал всю северную Гречковку. Оглушительный грохот оружейных выстрелов, разрывы снарядов, треск автоматных, пулеметных очередей – всё, рассказывала Жанна, сливалось в жуткую какофонию...

Утром, после боя, немцы прятавшуюся в хате семью всё-таки обнаружили, и, понятное дело, тут же выставили вон...

На улице и тут и там воронки, во дворе деревья, стены строений иссечены осколками... Судя по всему, наша полковая и дивизионная артиллерия, поддерживавшая ночной прорыв 1237 полка из-за Гречковки, по контратакующему противнику поработала прилично...

Оказывается, в Куту скрывалось еще много жителей. Теперь немцы всех вытаскивают из схронов. Приказ: немедленно приготовиться в дорогу и двигаться к станции.

Из рассказа Жанны.

У нас была простенькая тележка-двуколка, которую когда-то смастерил дедушка. Погрузили на нее какие-то манатки, что-то из съестного; впрягли свою коровенку, и – в путь. Спешим. Вокруг такие же горемычные...

Останавливаемся у переезда, того что у гречковского железнодорожного моста⁴³⁹. Переезд перекрыт шлагбаумом, дальше никого не пропускают. А люди всё подходят... Народу собралось много... Всех молодых и среднего возраста мужчин немцы отгоняют в сторону. Нашего дедушку не тронули: он, чтобы казаться совсем дряхлым и ни на что не годным стариком, давно отрастил бороду.

Отобранных уводят – говорят, рыть окопы. Крики, плач... Но что будет с ними потом?

Остальных – стариков, женщин, детей – пропускают, наконец, на станцию. Гоним что есть мочи...

⁴³⁶ Район Кута. По свидетельству бывшего рядового 1237 сп (В. Хвиля. В імлі січневого ранку. – Газета «Червоний стяг», № 14, 29.01.1991), в том бою участвовала рота под командованием старшего лейтенанта Ракитянского. Бойцам этой роты удалось тогда даже проникнуть на территорию паровозоремонтного завода.

⁴³⁷ В. Хвиля. В імлі січневого ранку. – Газета «Червоний стяг», № 14, 29.01.1991

⁴³⁸ Сейчас бывший ее дом значится под номером 39 и расположен рядом со зданием ТЭЦ.

⁴³⁹ Замечу от себя: он существует и поныне. Находится в каких-то двухстах метрах от гречковского моста – в самом начале нынешней ул. Коробейника.

Пролетели станцию, «поселок», Холодное... Всюду масса немцев, их техники, в том числе разбитой, – всё вперемешку с потоком беженцев...

Дальнейший маршрут Жанна помнит плохо. Немцы вроде бы пропустили их через Малую Яблоновку, они – мама, дедушка, бабушка и она сама – судя по всему, проскочили линию фронта и оказались в конечном счете в каком-то глухом, почти незаселенном месте. Густой лес вокруг; крутая, почти «отвесная» гора с одной стороны; несколько строений на поляне и мрачного вида мужик, которой недобро посматривал на ребенка Жанну, – вот приметы того места, где они пересидели время до освобождения Смелы⁴⁴⁰.

Возвращаюсь к боевым документам.

В этот же день, **12 января**:

«1235 сп в ночь на 12.1.44 одним батальоном форсировал р. Тясмин в районе южной окраины Гречковка и захватил северную окраину Мал. Яблоновка. Ввиду сильного артиллерийско-минометного огня противника главные силы полка переправить на западный берег р. Тясмин... не удалось».

Оказывается, **первая схватка с врагом при освобождении Малой Яблоновки произошла 12 января – уже на следующий день после выдворения нас с Первомайской!!! И произошла она именно на нашей улице!!!** Об этом факте я узнал лишь года три тому назад, когда ознакомился с излагаемым здесь архивным документом⁴⁴¹.

«В 8.00... превосходящие силы противника, при поддержке орудий прямой наводки и артиллерийско-минометного огня из районов п. Шевченковский, совхоз Холодное, контратаковали передовые подразделения полка и оттеснили их на исходное положение (южная окраина Гречковка).

1239 сп одним батальоном к 1.00 12.1.44 овладел восточной окраиной Смела⁴⁴². Главные силы полка совершили переход на левый фланг дивизии, заняли Бол. Яблоновка вплоть до восточного берега р. Тясмин.

Подразделения полка пытались переправиться через р. Тясмин, но ввиду того, что лед на реке был разбит артиллерийско-минометным огнем противника, переправиться на западный берег не удалось».

«Противник... взрывает постройки и мосты в г. Смела».

За 12 января наши потери: в Гречковке – 10 чел., в Большой Яблоновке – 3 чел⁴⁴³.

В течение дня части дивизии производят перегруппировку сил и ведут подготовку к дальнейшему наступлению.

⁴⁴⁰ Мне кажется, что место это находилось в районе Сунчанского леса. Возможно, это был хутор Петровского – пункт, который на тогдашних картах помечался как «клх. [колхоз] Серп и Молот».

⁴⁴¹ Источник 2.

⁴⁴² Читай Загреблей!

⁴⁴³ Данные мои. Получены в результате детального анализа уже не раз упоминавшейся Книги памяти (смотри стр. 42, 62, 121, 133, 144...) и записей на мемориальных памятниках Смелы и сёл района.

68. Схема боевого пути 373 стрелковой дивизии с 9 по 12 января 1944 года

13 января.

«1239 сп вел наступательные действия и к 3.00 13.1.44 овладел западной окраиной Бол. Яблоновка...

Одновременно РГ⁴⁴⁴ полка действовала в ночь на 13.1.44 на Мал. Яблоновка. Встретив в районе северо-восточной окраины Мал. Яблоновка группу пехоты противника численностью до 10 чел., РГ завязала бой, в результате которого уничтожила 5 немцев и захватила одного пленного – обер-ефрейтора...»

Опять бой на родной Первомайской!

«1235 сп в 6.00 13.1.44 занял участок Березняки – Райгород...

В течение дня 13.1.44 части дивизии готовились к наступлению на п. Шевченковский, Мал. Яблоновка, Березняки (западная часть).

В 20.00 13.1.44 дивизия возобновила наступление».

14 января.

«В течение ночи на 14.1.44 части дивизии вели наступательные действия.

1237 сп в 22.00 13.1.44 основными силами форсировал р. Тясмин в районе южной окраины Гречковка и достиг железной дороги у надписи „каз“. По наступающим подразделениям полка противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь из района п. Шевченковский, совхоз Холодное, Мал. Яблоновка».

Надпись «каз.» на топографических картах, как известно, означает «казарма». Это – та самая «Будка» на железнодорожном переезде в конце Рабочего переулочка, которую я уже не раз упоминал. Тут, при ней, на пригорке, у немцев было оборудовано пулеметное гнездо.

Вот до какого места удалось дойти в этот раз нашим бойцам! Они бились уже рядом с нашей хатой!

К сожалению, эта атака успеха не принесла:

«В 23.00 13.1.44 группа пехоты противника численностью 40 – 50 чел. из района юго-западной окраины Мал. Яблоновка контратаковала передовые подразделения 1237 сп.

⁴⁴⁴ Разведывательная группа.

Потерпев неудачу, противник в **24.00** 13.1 вторично перешел в контратаку, но также был отбит.

В 1.00 14.1.44 противник произвел сильный артиллерийско-минометный налет по боевым порядкам 1237 сп, после чего группой пехоты силой до 100 чел. контратаковал третий раз. Подразделения полка понесли потери и были оттеснены на исходное положение (южная окраина Гречковка), где в течение дня приводили себя в порядок и готовились к наступлению».

Утром немцы зачищают ближайшие к месту боя окрестности. Слово – Скрыннику: «...К нам зашли два немца с гранатами за поясом. Спрашивают, нет ли партизан. Мы испугались, потому что в это время мы спрятали моего дядю под печку и прикрыли его кукурузными кочанами. Но всё обошлось – немцы ушли. Благо они были без собаки».

В ту ночь на Малую Яблоновку наступал и **1239 сп**:

«Преодолевая упорное сопротивление противника, полк к 2.00 14.1.44 овладел отдельными домами восточной окраины Мал. Яблоновка...»

В 2.00 14.1.44 противник произвел сильный артиллерийско-минометный налет из районов Мал. Смелянка, Терновка по наступающим подразделениям полка, а затем пехотой численностью до 100 чел. при поддержке танка перешел в контратаку. Подразделения полка понесли потери и к 6.00 14.1.44 были оттеснены на исходное положение (Бол. Яблоновка). Во время отражения контратаки был подбит один танк противника».

Что творилось на Первомайской улице, мы пока не знали, а вот слухи о последнем деле вскоре до нас, сидевших в изоляции, все же дошли. Будто бы подразделение то ли красноармейцев, то ли партизан, действуя со стороны Большой Яблоновки, заняла тогда даже нашу сельскую больницу⁴⁴⁵. Бойцы, потеряв на какое-то время бдительность, были застигнуты врасплох немецким подкреплением и почти все погибли... Такое в нашей семье сложилось предание..

«За 14.1.44 части дивизии потеряли:

убитыми: офицеров – 2 чел., сержантов – 2 чел., рядовых – 18 чел⁴⁴⁶.

ранеными: офицеров – 8 чел., сержантов – 12 чел., рядовых – 60 чел.

Потери противника составляют: уничтожено до 200 солдат и офицеров, три тяжелых пулемета, одна 37 мм пушка, до 10 подвод с грузами. Кроме того подавлена батарея 81 мм минометов, рассеяна огнем артиллерии группа пехоты численностью до двух взводов».

15 января.

«В ночь на 15.1.44. части дивизии возобновили наступательные действия, но успеха не имели.

1237 сп, действуя основными силами из южной окраины Гречковка, пытался форсировать р. Тясмин в направлении Бобринская. Подразделения полка были встречены массированным огнем артиллерии и пулеметов противника, ввиду чего захватить западный берег р. Тясмин не смогли.

1239 сп... с 9.00 15.1.44. начал наступление на Мал. Яблоновка. Преодолевая упорное сопротивление противника, подразделения полка продвинулись вперед на 300 – 400 м и с 14.00 залегли под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника.

1235 сп в ночь на 15.1.44... занял рубеж южная окраина Бол. Яблоновка – южная окраина Райгород. В течение дня полк готовил усиленный отряд для наступления на Мал. Яблоновка.

⁴⁴⁵ Так мы называли бывшую лечебницу Яблоновского сахарного завода времен Бобринских. В советское время это заведение достраивалось и называлось уже больницей. В ней не раз лечилась даже моя мама...

⁴⁴⁶ По моим данным, наши потери убитыми за 14 января были гораздо больше. Только по трем населенным пунктам они составили 47 человек: в Малой Яблоновке – 31, в Гречковке – 4, в Большой Яблоновке – 13.

В 18.00 15.1.44... дивизия получила задачу⁴⁴⁷ прекратить наступление и занять жесткую оборону на достигнутом рубеже.

В связи с получением новой боевой задачи, части дивизии с 19.00 15.1.44. приступили к перегруппировке сил для занятия обороны».

По состоянию на этот момент силы дивизии на достигнутом рубеже и силы противника были, по существу говоря, равны.

У нас был некоторый перевес в живой силе, стрелковом оружии и пушках небольшого калибра. При приблизительном равенстве общего числа орудийных и минометных стволов противник превосходил нас в тяжелой технике. У немцев были 6-ствольные минометы, орудия калибром 150 – 152 мм, самоходные орудия, танки; у нас же всего этого не было...

*«В ходе боев 15.1.44. части дивизии потеряли:
убитыми: офицеров – 3 чел., сержантов – 5 чел., рядовых – 11 чел⁴⁴⁸.
ранено: офицеров – 8 чел., сержантов – 17 чел., рядовых – 68 чел.*

*Потери противника составляют:
подбито 2 средних танка, одна автомашина, уничтожено до 150 солдат и офицеров».
«Замечено появление **тяжелого метательного аппарата** у противника».*

⁴⁴⁷ На основании боевого приказа штаба армии № 003.

⁴⁴⁸ По моим данным, наши потери убитыми за 15 января: в Гречковке – 5 чел., в Большой Яблоновке – 6 чел.

69. Фрагмент схемы расположения 373 дивизии на 16 января 1944 года⁴⁴⁹

⁴⁴⁹ Здесь, а также на других, приводимых у меня военных картах и схемах времен Великой Отечественной войны, в Смеле ошибочно изображено водохранилище. Смелянскую плотину, как известно, в 1939 году разрушил паводок, водохранилище от воды освободилось, но к началу войны карты, которые были составлены еще по снимкам конца 1920-х годов, скорректировать не успели. Плотина и водохранилище были восстановлены лишь к лету 1957 года.

16–24 января.

Дивизия ведет активную оборону полосы по восточному берегу Тясмина: северная окраина Смелы – Гречковка – Большая Яблоновка – Березняки – Райгород.

Производятся работы по отрывке окопов, ходов сообщения, траншей, постройке землянок, оборудованию блиндажей, наблюдательных пунктов. Минируются дороги. Идет пополнение рядового состава. Проводятся учебные сборы пулеметчиков, расчетов противотанковых ружей, групп разграждения⁴⁵⁰...

Продолжается и боевая работа, но обстановка на рубеже в первые дни обороны сравнительно спокойная: немцы особой активности не проявляют.

Мы маемся в тесной времянке, из «развлечений» – только «художества» Якова Ревенко. Запомнился его громоподобный голос. Во время артиллерийских обстрелов Яков выказывал завидное бесстрашие, отпуская при этом сочные словечки в адрес проносившихся с жутким воем над крышей и рвущихся за хатой мин. Когда виделась опасность в немецкой облаве, его закапывали в кучу кукурузных кочанов, поверх которой сажали на «ряднинці» хозяйкино дитя. Оно ревело, мочилось под себя и, разумеется, на бедного Якова... Представляю, что чувствовал старик в том «укрытии»...

Даже в редкие минуты затишья из жилища во двор, на улицу стараемся не выглядывать; выходим лишь в случае крайней необходимости – когда надо сбегать по нужде или за водой к колодцу у соседей. И делаем это только в редкие минуты затишья.

Однажды, именно в такой момент, я в окно увидел соседскую девочку, которая вышла «погулять» у своего порога. Я видел ее пару раз и до этого. Стал клянчить: «Мам, а можна і я з нею погуляю?» Разрешение выпрошено, и я побежал на волю. «Свидание» длилось недолго: неожиданно начался минометный обстрел. Бросаюсь «домой», и тут, уже на улице, меня чуть было не накрывает... мина. Мы, мальцы, были тогда смышленными: знали, что когда засвистит снаряд, надо падать на землю... Я так и сделал. Мина разорвалась буквально в двух метрах, меня даже забросало кусками земли, но, слава Богу, не задело: от мерзлой земли осколки при взрыве полетели в основном вверх. Некоторое время я, растерянный, лежал без движения (наверное, от страха)... Родители, наблюдавшие эту картину из окна, думали уже, что мне «капут»... Позже, вспоминая об этом моем, опасном для жизни, приключении, рассказывали, что, вернувшись в хату совершенно невредимым, я будто бы проворчал: «От зараза!»

С началом двадцатых чилел января напряжение на рубеже нарастает.

Всё активнее действует (обычно в ночное время) наша разведка. Замечу, не всегда успешно: немцы тоже не дремлют.

Иногда разведгруппы, усиленные ротой – двумя, а то и целый батальон, пытаются в каких-то местах потеснить противника. В районе Бол. Яблоновки, Березняков завязываются упорные бои. Отдельные части этих сёл по несколько раз то переходят в наши руки, то отбиваются противником. Немцы контратакуют при мощной поддержке танков, бронемашин, кочующих на автомашинах минометов...

Полковые разведгруппы проникают и в северо-западную часть Великой Яблоновки – на Веселый Кут⁴⁵¹, тот самый, где до войны проживали мои дедушка Лука и бабушка Христина Капелюхи. А это уже от нашего тогдашнего временного убежища по прямой линии всего-то полтора – два километра! Несмотря на нашу изоляцию, новости о том, что красноармейцы хозяйничают уже под боком, уличным беспроволочным «телефоном» просачиваются, конечно, и до нас. Передаются слухи о том, что некоторым из наших сельчан удалось перейти линию фронта и добраться до Сунок.

На рискованную операцию решается и отец. Как только об этом было сказано в семье, привязался Николай: «Я піду з тобою!» – и всё тут. Отговоры не помогли, да и долгих споров

⁴⁵⁰ Воинское формирование для проделывания проходов в минных полях, заграждениях, завалах...

⁴⁵¹ Ул. Мичурина на карте послевоенного времени (см. карту 3 на стр. 9).

по этому поводу я что-то не помню. Мать смирилась: мужчин не переубедить. Что ж, надо рисковать, а там уже – будь что будет!

Вечером, под покровом темноты, мы всею семьей, перебежками, от хаты к хате, переместились к самому краю села⁴⁵². Где в тот час находились в селе немцы – слева, справа, спереди – мы не знали. Да об этом никто и не думал: вперед вела надежда. Остановились в какой-то хате, рядом с больницей – в двух сотнях метров от моста через речку. Дальше, за мостом, на стороне Великой Яблоновки, начиналась уже нейтральная территория.

От соседей доносились истошные женские причитания, вой и плач детей... Пустившая нас к себе хозяйка сообщила: буквально за несколько минут до нашего прихода соседи потеряли главу семьи. Он только успел выйти на порог покурить, как тут же получил пулю в висок. Откуда стреляли (в полной темноте!), кто стрелял – немцы, наши – никто сказать не мог. Жуть! Ведь на месте убитого мог оказаться любой из нашей семьи... Я хорошо запомнил подробности того момента – особенно меня поразили слова о том, что пуля вошла **точнехонько в висок...**

В самое глухое время, на исходе ночи, отец и Николай проскочили к реке. Невелик Гнилой Ташлык, а всё-таки – препятствие. Переходить его через мост на дороге к Великой Яблоновке нельзя: наверняка, немцы за ним следят. Выход один – переправляться где-то левее моста. Но не наткнешься ли на вражеский секрет и тут? Да и как переправляться? Не вброд же? И не по тоненькому льду с промоинами, промытыми течением? Всё равно провалишься и искупаешься в ледяной воде... Искать какие-то подручные средства – ветки, корягу, поваленное дерево? В темноте, в спешке и когда отовсюду грозит опасность? Через речку всё же перебрались, но переправа далась, как рассказывал потом Николай, нелегко...

Вскарабкались по крутому береговому склону и выбрались на открытое плато. Вперед – в сторону правления колхоза!

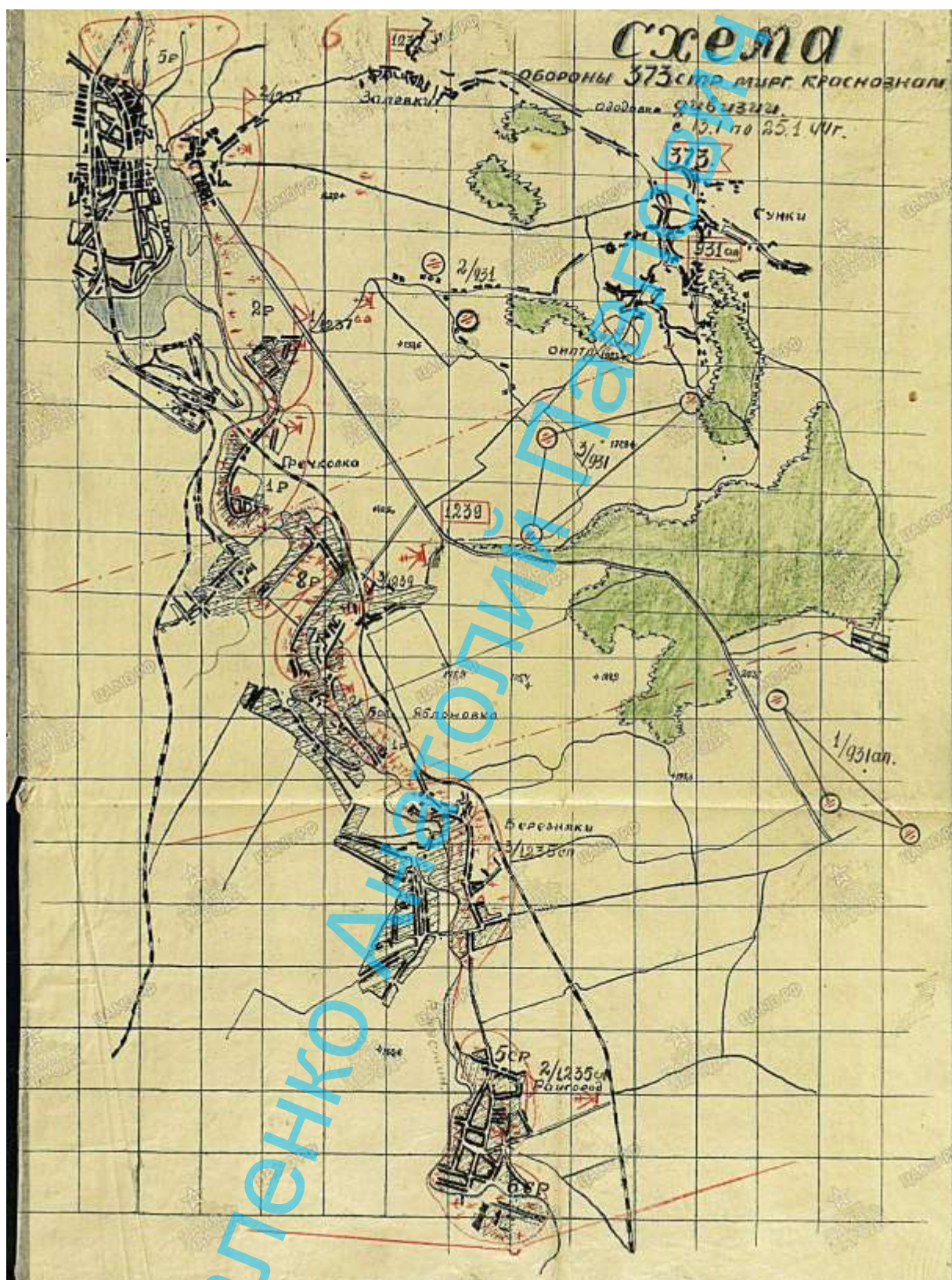
Вдруг, откуда ни возмись, из растворяющейся темноты вынырнула фигура в белом маскхалате. Не успели даже испугаться! Радость-то какая! Красноармеец, разведчик! Они уже у своих!? О том, что он мог, не разобравшись, перестрелять подозрительных незнакомцев, даже не думалось... «Куда вы прете, хлопцы? Хотите нарваться на немцев? Их разведка рыскает даже под Сунками! Да и вообще место тут гиблое... Валите-ка лучше обратно, пока целы!» – и разведчик повернул в свою сторону. Видно, заходил сюда не впервые и знал, что говорил...

До этого, ночью, немецкая артиллерия постреливала в сторону Великой Яблоновки редкими одиночными выстрелами – вслепую, по площадям – «чтобы не дремал неприятель». Но теперь, когда начало светать и немцы заметили какое-то движение на возвышенности, они стали бить прицельно и раз за разом, да еще и бризантными снарядами... Белым облачком разрывались они в воздухе и покрывали землю градом осколков. Перебежчики метались из стороны в сторону, пока не укрылись за пригорком. Страху натерпелись такого, что обратно к реке катились кубарем. На исходное место около больницы неудачники вернулись хоть и порядочно потрепанными, но, слава Богу, невредимыми. Вечером того же дня мы, знакомым уже путем, возвратились «домой» – к старикам на Клубной улице.

Описание событий периода активной обороны заканчиваю любопытной подробностью: *«Противник, обороняя прежний рубеж, в ночь на 24.1 усилил артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам частей дивизии. Произвел три артиллерийско-минометного налета по северной и восточной окраинам Смела. В 11.30 из центра Смела **тяжелый метательный аппарат** противника шестью залпами обстрелял район **Кирп.**⁴⁵³ западнее Сунки».*

⁴⁵² Не тронулись с места только старики – дедушка Карпо, бабушка Мотрона да Яков Ревенко.

⁴⁵³ Место значится на военных картах между Залевками и дорогой Смела – Сунки (смотри, к примеру, иллюстрацию 69).

70. Схема обороны 373 стрелковой дивизии с 13 по 25 января 1944 года

25 января.

«Дивизия с утра 25.1.44 основными силами вела наступательные действия в направлении ст. Бобринская, п. Шевченковский – Мал. Яблоновка, Ковалиха – Березняки, Поповка с выходом на рубеж р. Ташлык, и частью сил обороняла прежнюю полосу.

1237 сп, действуя одним стрелковым батальоном в направлении ст. Бобринская, в 9.00 25.1 форсировал р. Тясмин и ворвался в траншеи противника, но был встречен сильным пулеметным, а также артиллерийско-минометным огнем, и дальше продвинуться не смог.

В 12.00 25.1 противник произвел сильный артиллерийско-минометный налет и группой пехоты до 100 чел. контратаковал 1/1237 сп⁴⁵⁴, оттеснил его на исходное положение».

Это было очередная неудачная попытка захвата района Кут. В это же время:

«1239 сп одним батальоном в 9.00 25.1.44 форсировал р. Тясмин и действовал в направлении Мал. Яблоновка, преодолевая упорное сопротивление противника, батальон захватил северную часть Мал. Яблоновка, но встретив сильное огневое сопротивление противника, батальон в дальнейшем продвинуться не смог.

В 12.00 был контратакован группой пехоты противника численностью до 50 чел. при поддержке артиллерийско-минометного огня. Контратака была отбита.

В 13.00 батальон был вторично контратакован силой до роты пехоты противника при поддержке трех танков и одной бронемашины и оттеснил на исходное положение».

Этот день запомнился мне на всю жизнь.

Поутру, когда еще было тихо, я вслед за дедом Карпом выбежал из хаты справиться нужду. Дедушка успел управиться первым, и тут началась жуткая стрельба. Многие из нас, беженцев, уже который день сидевших в жаркой полосе фронта, не раз оказывались под пулями⁴⁵⁵. Но в такую передрыгу мы еще не попадали.

Нужник располагался у тыльной, выходящей на огород, стены хаты. Стена эта некоторым образом прикрывала нас от свистящих над головами пуль и мин: стреляли с другой стороны – с начала Первомайской и выгона. Дед Карпо застыл, прижавшись к стене, а я засел в «скворечнике».

Некоторое время мой предок стоял, прижимаясь к стене, – ожидал паузы в перестрелке. Раза два он решался на бросок к спасительному входу в хату, но едва огибал первый угол, прыть покидала его, и он давал обратный ход. В конце концов ему всё же удалось скрыться в хате.

Я же продолжал сидеть в отхожем месте и дрожать. Так прошло минут десять-пятнадцать... Потом я набрался-таки смелости и последовал примеру дедушки. Страху натерпелся сполна...

26 января.

«Дивизия в течение дня вела наступательные действия в направлении: ст. Бобринская, п. Шевченковский – Мал. Яблоновка, Ковалиха – Березняки, Поповка с выходом на рубеж р. Ташлык и отдельными мелкими группами вела разведку... закреплялась на достигнутых рубежах и приводила себя в порядок. Частью сил обороняла прежнюю полосу».

27 января.

«Дивизия частью сил продолжала оборонять рубеж: справа – северная окраина Смела и далее по восточному берегу р. Тясмин, слева – Бол. Яблоновка. Основными силами наступает в направлении Мал. Смелянка, Терновка, Поповка.

1239 сп наступал в направлении Терновка, в течение 27.1.44 г. полностью очистил от противника Бол. Яблоновка, и, встречая огневое сопротивление противника, продолжал наступать в направлении Мал. Смелянка.

1235 сп наступал в направлении Красный Хутор⁴⁵⁶... Одним батальоном перерезал железную дорогу у совхоза Софиевка, тем самым перерезана железная дорога Смела – Пер-

⁴⁵⁴ Первый батальон полка.

⁴⁵⁵ Сошлюсь хотя бы на Скрынника: «Немцы то и дело обстреливали домá. Как-то я вышел за хату, и мгновенно возле меня просвистели пули. Я сразу убежал. А один раз пуля залетела прямо в дом, пробив 2 стенки и упала на пол. Это я четко помню».

⁴⁵⁶ В послевоенное время поселок Червоне.

вомайск. Подразделения полка, встречая огневое сопротивление противника, продолжали наступать в направлении Терновка – Поповка...

В течение 27.1.44 г. противник частями 72 пд, усиленный танками и бронемашинами, на участке 1237 сп продолжает упорно оборонять Смела, ст. Бобринская, п. Шевченковский. В направлении наступления 1239 сп и 1235 сп, прикрываясь мелкими группами и оказывая огневое сопротивление, отходит в общем направлении Мал. Смелянка, Терновка, Поповка».

28 января.

Дивизия продолжала стремительное наступление.

«1237 сп... левым флангом вел наступательные действия и к 18.00 овладел **Мал. Яблоновка**, встретив сильное огневое сопротивление противника, закреплялся на достигнутом рубеже.

1239 сп... овладел **Терновка** и с 18.00 продолжал наступление в направлении Ковалиха, одновременно частью сил наступал в направлении Мал. Смелянка.

1235 сп... овладел **Поповка** и с 18.00 продолжал наступление в направлении Ковалиха.

В течение дня огнем артиллерии и ружейно-пулеметного огня наступающей пехоты уничтожено до 80 солдат и офицеров противника, подбит один танк, четыре грузовые автомашины».

Штаб дивизии перемещается в Великую Яблоновку.

29 января.

«1237 сп с утра... перешел в наступление в направлениях: Константиновка, ст. Бобринская, п. Шевченковский и, преодолевая огневое сопротивление противника, овладел **Смела, ст. Бобринская, п. Шевченковский**. Подразделения полка к 17.00... вышли на рубеж: справа – Будки, слева – восточная часть Николаевка и продолжали развивать наступление на Балаклея, Западня.

1239 сп... преодолевая огневое сопротивление противника, овладел **Мал. Смелянка**. Подразделения полка к 17.00 вышли на рубеж справа – северо-западные скаты выс. **164,1**⁴⁵⁷; слева – восточные скаты **выс. 188,6**⁴⁵⁸ и продолжали развивать наступление в направлении Западня.

1235 сп... наступал в направлении Ковалиха и, преодолевая огневое сопротивление противника, овладел ею. Полк к 17.00... вышел на рубеж: западная окраина **Ковалиха** и, частью сил прикрывая левый фланг дивизии, основными силами продолжает наступать в направлении Ротмистровка...

439 осб... вел работу по разграждению минных полей и дорог, восстанавливал и строил разрушенные мосты для прохода дивизионной артиллерии и тылов дивизии...

Подразделениями частей дивизии и огнем артиллерии в течение 29.1.44 г. убито до 40 солдат и офицеров противника, уничтожено: одна бронемашина и одна автомашина с пехотой».

Штаб дивизии переезжает в Терновку.

30 января.

«Дивизия... ведя упорные бои, овладела **Константиновка, Николаевка, Ротмистровка, Западня, Мельниковка**...»

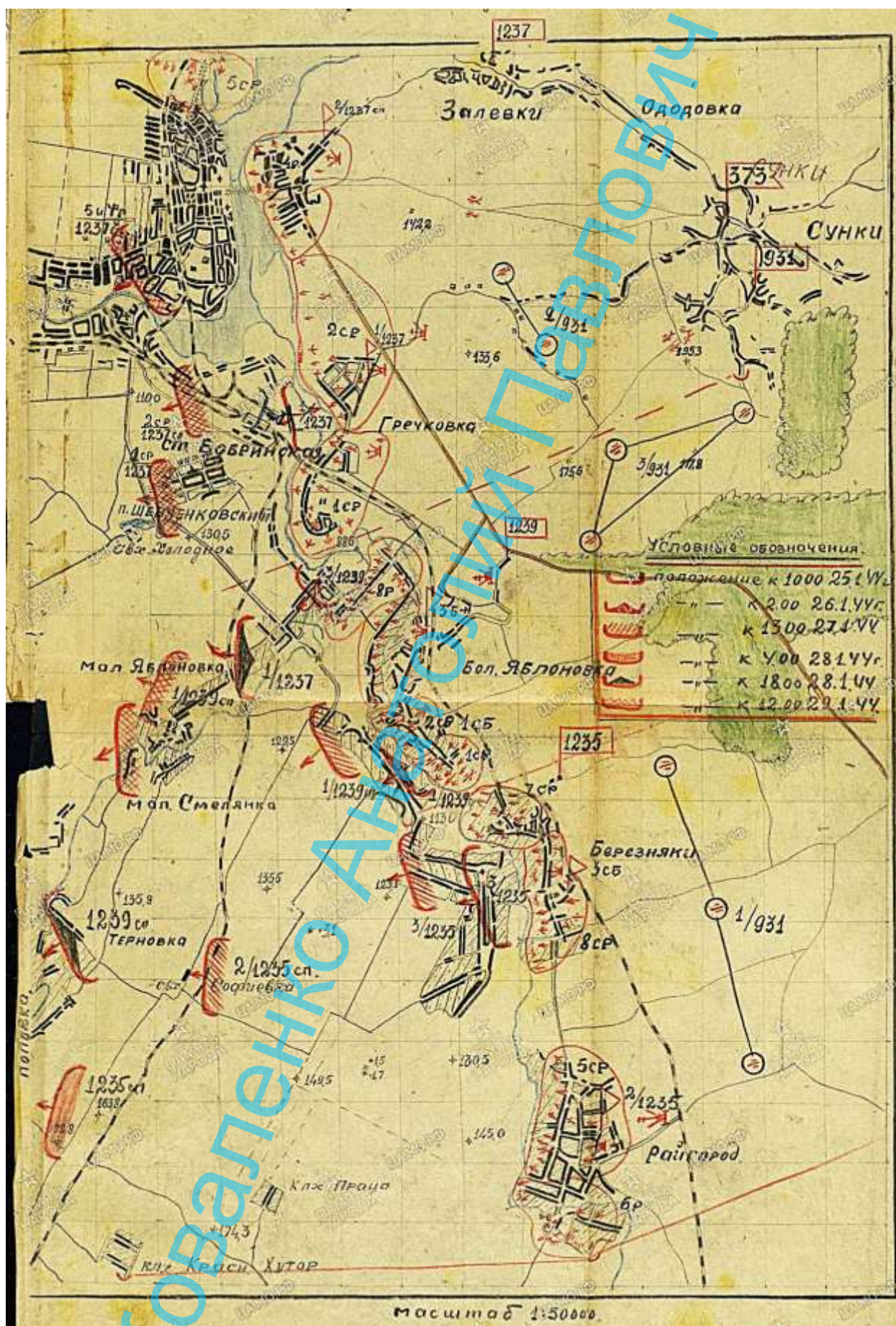
31 января.

К 18.00 освобожден **Носачев**, бой ведется уже в полутора километрах от Цветково.

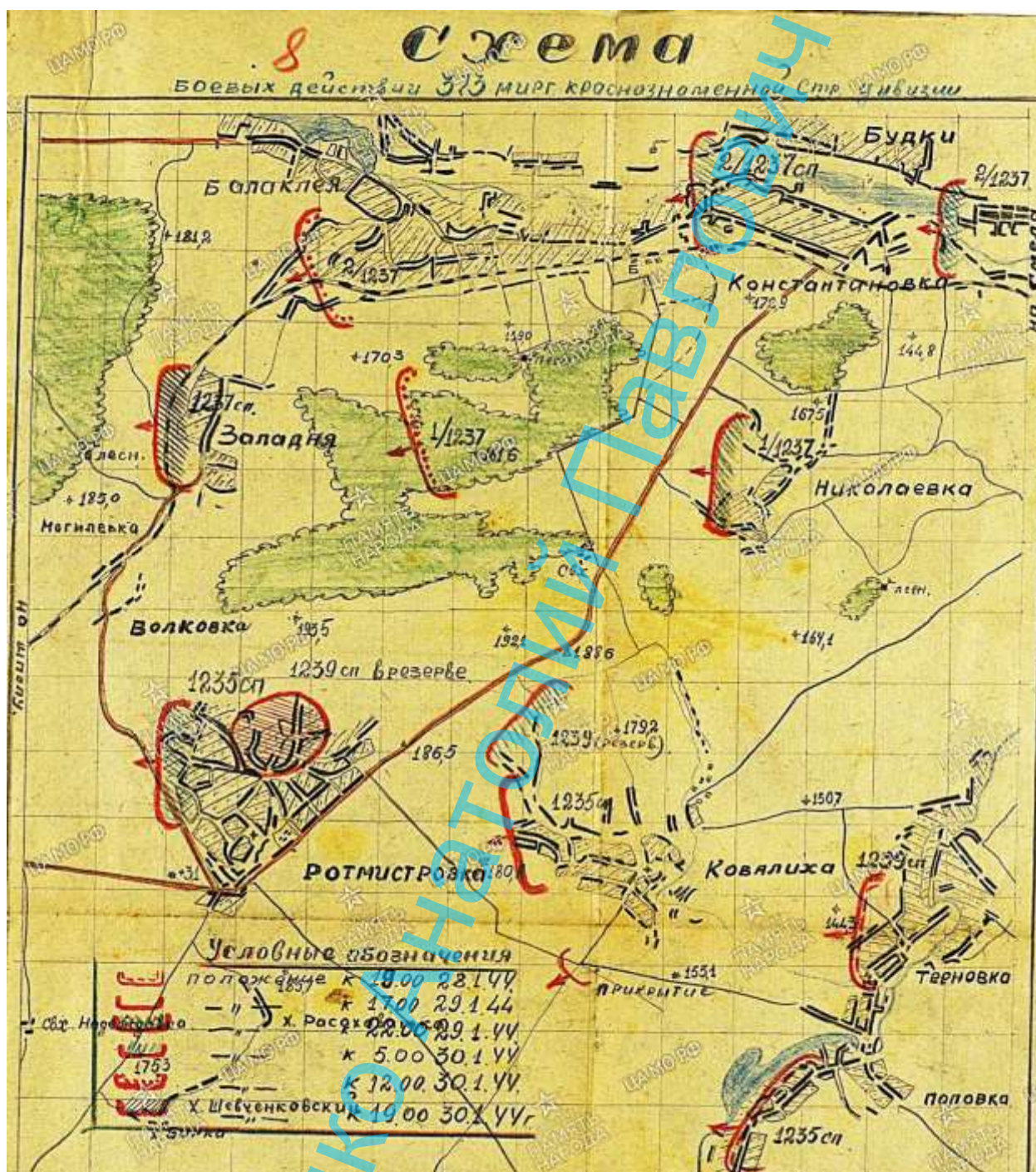
Штаб дивизии подтягивается в Ротмистровку.

⁴⁵⁷ Высота между Ковалихой и Николаевкой.

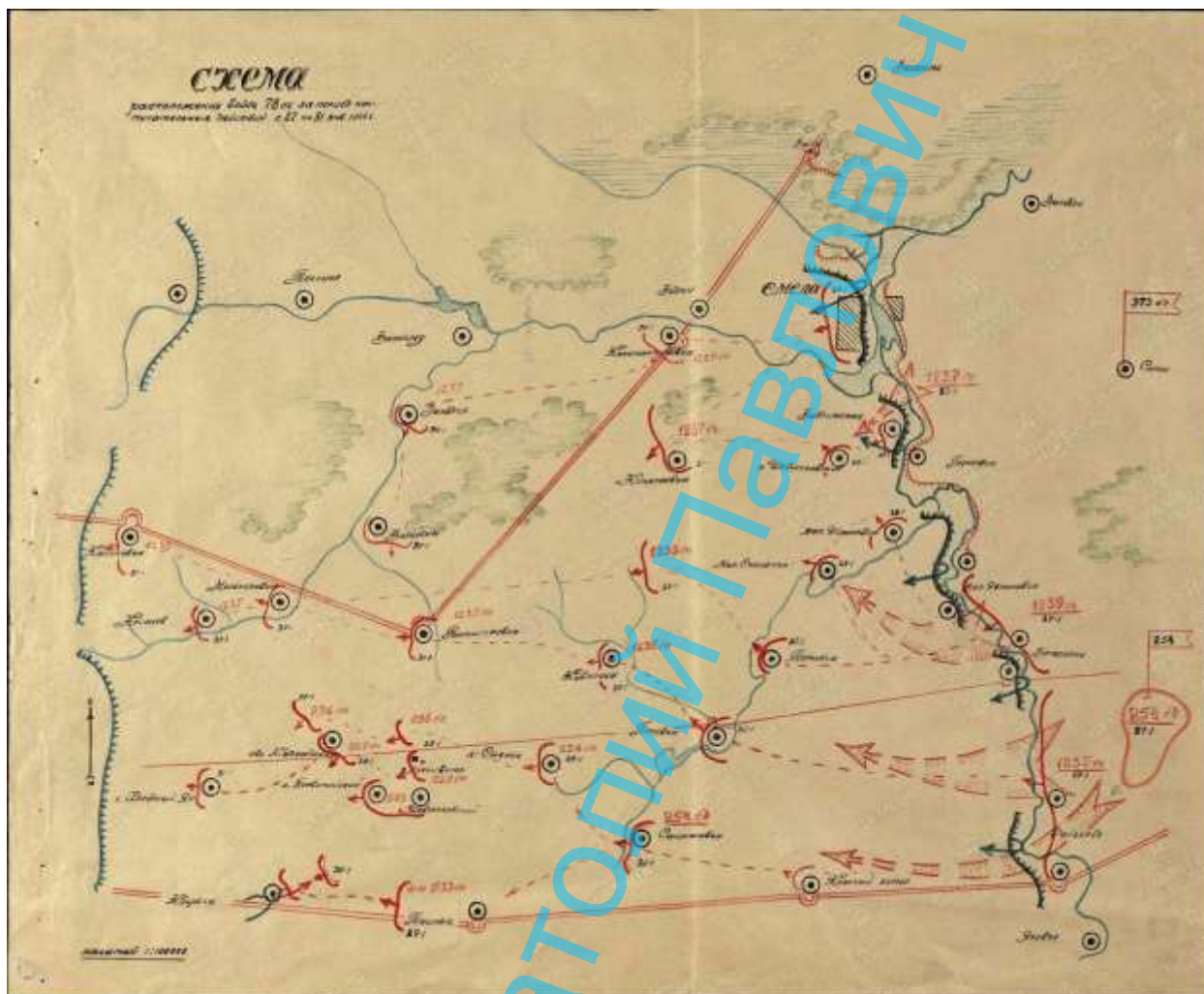
⁴⁵⁸ Возвышенность к северу от Ковалихи, буквально на дороге Ротмистровка – Смела.

71. Схема боевых действий 373 стрелковой дивизии с 25 по 29 января 1944 года

72. Схема боевых действий 373 стрелковой дивизии с 28 по 30 января 1944 года

73. Схема боевых действий 78 стрелкового корпуса с 27 по 31 января 1944 года

Смела, Смелянщина от оккупантов очищены! К прошлому возврата нет! Свобода!

О последнем акте освобождения родной Малой Яблоновки расскажу подробнее – словами живого свидетеля этого события.

Малую Яблоновку, как показывают боевые документы, освобождали отдельные подразделения 1237 полка. Решающий бой за нее начался утром 28 января. Около 11-ти часов наступающие уже достигли середины села и сплошным потоком валили в направлении железной дороги и переезда на ул. Кармалюка. Такой мощи мы еще не видели. Всюду из хат выскакивает народ, все устремляются навстречу спасителям – в сторону Великой Яблоновки. К этому, встречному, потоку присоединяемся и мы.

В памяти, будто из далекого сна, всплывает картина.

Недалеко от нас, в какой-то полусотне метров, сплошным потоком, лишь немного пригибаясь, спешат бойцы. Где-то в его середине артиллеристы толкают-тащут пушку. Сопровождающий их разгоряченный, в распахнутом полушубке, бравый офицер громко отдает команды. Отец «возмущается»: «Що ж він такий необережний? Хіба можна триматися в повний зріст, коли ще стріляють?»⁴⁵⁹

Напрямик, не оглядываясь, несемся на выгон, к всем известному броду, за которым, на противоположном берегу речки, начинался вожделенный Веселый Кут. Подвесной кладки для пешеходов, которая здесь всегда имела, теперь нет, лед разбит... Речку преодолеваем кто как может – по обломкам досок, вброд (благо, глубина здесь по колено), а кое-кто

⁴⁵⁹ Все у нас знали, что на переезде, в будке, обычно сидели немецкие корректировщики артиллерийского огня.

из ребятишек на плечах у взрослых... На переправе настоящее столпотворение – как говорится, «смешались в кучу кони, люди»... Сразу за ней, за переправой, – узкий скользкий подъем и новый затор. Преодолеваем и это препятствие...

И тут вдруг воздух потрясает взрыв. Впереди, метрах в двадцати от нас, в небо взмывает черно-белый фонтан земли и снега... Вопли, женский вой... Тащивший за собою повозку Мыгаль⁴⁶⁰, человек горячий и несдержанного нрава, обгоняя передних, свернул на обочину – и подорвался на mine... Секундное замешательство, и мы катимся, уже по улице, дальше.

Слева, на покатоке к реке открытом огороде, в неестественной позе, лежит замерзший труп убитого красноармейца, вскоре замечаю еще одного такого же... Сколько же они здесь лежат? А вот и хата деда Луки. Зная, что она пустует, минуем ее, не останавливаясь. Наша цель – хата кумовьев яблоновского дедушки. Она – почти сразу же за поворотом улицы, а родичей зовут Кунычи. Кто-то из них должен был бы находиться дома...

Действительно, хозяйка на месте. Ух! Наконец, можно отдышаться и успокоиться...

Жадно выслушиваем новости. Молоденькая сестричка дивизионного медсанбата, задержавшаяся у Кунычихи, рассказывает, что немцы всюду отступают, и наши подразделения уже на подходе к Малой Смелянке, Поповке, Терновке; что освобождение Малой Яблоновки прошло почти без потерь. Убитых нет, лишь один тяжелораненый, в живот; еще у одного бойца пустяковая «царапина» – скользящее ранение в голову; она сама обрабатывала ему рану, и он вернулся в строй...

Кума подсуетилась, где-то в ее сусеках нашлись завалевшиеся картошки, картофельные очистки; прямо во дворе был разведен открытый огонь и приготовлен «праздничный» обед. Действительно праздничный: ведь за последние дни горячей еды мы не видели...

Пишу эти строки и спрашиваю себя: как и чем мы питались всё то время, которое провели в высылке? Как семье удалось тогда выжить, когда, находясь практически без съестных припасов, надо было чем-то кормить семь ртов (шесть своих и вдобавок Якова Ревенко⁴⁶¹)? Кормить две с половиной недели!

Задаю себе сейчас эти вопросы и не нахожу ответа...

Утро следующего дня (29 января) было волнительным: отец отправился в Сунки. После того как Сунки были заняты нашими войсками, там какое-то время действовал полевой военкомат. Прорывавшихся через линию фронта смельчаков немедленно, без лишних разбирательств, зачисляли в штат дивизии. Отец об этом знал, вот и подался туда «наниматься» в армию. Мама заспешила домой: не терпелось скорее увидеть, что случилось с родной хатой. К родительнице присоединились и мы с Николаем...

И вот оно – наше подворье... Всюду следы недавних боев, но постройки целы. Крыша, стены хаты, правда, изрешечены осколками мин; одна мина попала в стену хаты, обращенную к Гречковке, другая разорвалась на чердаке. Побит, издырявлен сарай (в него тоже попала пара мин)... Но худая крыша, посеченные стены – не беда: их как-то можно «подлатать». Беда, когда у людей во дворах остались одни пепелища. Такой была вся Гречковка. Такой была и часть улицы Первомайской...

Скрынники, сидевшие после выселения на улице Станиславского, совсем рядом со своей усадьбой, трагедию наблюдали собственными глазами. Владимир Скрынник вспоминал:

«...Я видел, как поджигали дома на нашей улице между переулками Рабочим и Станиславского; крыши были соломенными, проблем с поджогом не было... Не знаю, как зажгли мой дом, потому что крыша была под рубероидом. Я только видел черный дым над домом. Деревья остались нетронутыми. Но я запомнил, что один дом немец пытался поджечь, но у него что-то не получалось, и так он остался целым...»

⁴⁶⁰ Наш односельчанин. Проживал на улице Первомайской (на нашей стороне, за Рабочим переулком).

⁴⁶¹ В Великую Яблоновку он бежать с нами не решился и задержался в Малой (дожидаясь, наверно, освобождения Смелы).

«Еще раз утверждаю, что на нашей улице между теми переулками были сожжены все дома, за исключением дома Миры Васильевны. Он был крайним от переулка Станиславского. Всего сгорело 15–16 домов. По твоей стороне улицы это дома: Полиняки, Мигаля⁴⁶², Выбирайла, Вакуленка, Фурсенка, Петренка, Лепетня и еще один (фамилии не помню). Дом Билана⁴⁶³ и мой дом тоже сгорели. Вот такие дела были...»

Осмотрев «хозяйство», мама спустя какое-то время посылает меня обратно в Великую Яблоновку сказать оставшимся там Карпу и Мотроне: нам повезло – мы не погорельцы, они могут возвращаться домой... Где-то ближе к концу Первомайской встречаю двух красноармейцев-связистов. Подбирают, наматывая на катушку, проложенный вдоль заборов телефонный кабель. Веселые, шутят...

К вечеру вся семья была в сборе. Пришли и старики, вернулся из Сунок и отец. Говорит, случайно встретил там земляка, который у нас на улице считался предателем – полицаем⁴⁶⁴. Теперь он ходит в красноармейской форме, и вовсе уже не рядовой, а успел получить какое-то более высокое звание. Как он оказался в Сунках да еще в таком положении, недоумевал отец⁴⁶⁵? Его же, Павла, в армию не взяли: полевой военкомат работу прекратил и ему посоветовали обращаться теперь в Смелу.

Забегая вперед, скажу, что отец так и поступил. Райвоенкомат в городе был развернут едва ли не на следующий день после его освобождения. Там уже шел разбор кого куда – молодых призывали в армию, квалифицированных рабочих оставляли восстанавливать разрушенные производства. Оставили на месте и опытного токаря-инструментальщика Павла Коваленко.

Бедствия оккупации осталось позади, но война еще продолжалась.

Впереди были новые испытания...

Напоследок – чувствительнейший для нас вопрос. Какою ценою досталось нашей армии освобождение Смелы и сёл района? А если конкретно, какие потери в живой силе она понесла?

Удовлетворительного ответа на этот вопрос мы не знаем до сих пор. За прошедшие почти 80 лет в нём накопилось столько всякого сора, что сегодня мы находимся от истинного результата еще дальше, нежели в том, далеком, 1944 году... В чём причина такого положения? Отсутствие прямых свидетелей, скудность или недостаточность исходной информации, утеря документов, неаккуратное с ними обращение, многократные перезахоронения погибших, коверканье имен при переписывании и переводах имен с русского языка на украинский и наоборот и пр. и пр. – всё это привело к повсеместной неопределенности и многочисленным искажениям данных.

Для подсчета искомых потерь ныне наиболее пригодными можно считать два источника:

1. Книга Пам'яті України. Черкаська область. 6 том. – Місто Сміла і Смілянський район. – Київ, 1996, стр. 23 – 485.

2. Надгробия братских захоронений и отдельных могил.

Анализируя и сопоставляя данные из этих источников, отмечаю массу ошибок, несходств, несуразностей...

⁴⁶² Тот самый, который подорвался на mine в Великой Яблоновке. Его жена, оставшаяся без мужа и без крыши над головой, некоторое время, пока рыла землянку в своей усадьбе, ночевала у нас.

⁴⁶³ Толя Билан – сосед Скрынника и мой уличный приятель.

⁴⁶⁴ Если я не ошибаюсь, звали его Мироненко, и жил он на самом конце Первомайской улицы

⁴⁶⁵ Об этой метаморфозе Мироненко знала и Валя Зайченко. По ее словам, он долго служил в армии и после войны и даже якобы дослужился до полковника.

Дефекты данных и всякая разногласия о потерях встречаются практически по всем населенным пунктам Смелянщины, в том числе и по моей Малой Яблоновке!

75. Мемориальная доска на братском захоронении воинов в Малой Яблоновке.
2013 г. Фото мое

Результаты анализа персоналий воинов, павших при освобождении **Малой Яблоновки**, отражены в **Приложении № 14**.

В отношении разночтений данных о потерях особенно показателен пример **Большой Яблоновки** (смотри **Приложением №15**). **Искажения здесь имеют около 80 % персоналий!**

Прискорбно, что время так дурно обошлось с памятью о наших освободителях. О многих из них уже можно сказать: позабыт, позаброшен и никто уже не узнает, «где могилка его»...

Для оценки общего числа безвозвратных потерь проведен серьезный разбор сведений из Книги Памяти и захоронений по всем населенным пунктам Смелянского района – как это было сделано выше по Гречковке, Малой и Большой Яблоновке. При этом учитывались исключительно воины, которые в Смеле и районе погиб или умер от ран в период с декабря 1943 по 9 мая 1945 года. (Партизаны и подпольщики в анализе исключались.)

Из погибших в микрорайонах Смелы – поселках Гречковке, Малой Яблоновке, Куту – в отдельную строку выделены лишь те воины, местом захоронения которых в Книге Памяти называются именно эти поселки; остальные погибшие отнесены к захороненным собственно в Смеле.

Результаты подсчетов представлены в **Приложении № 16**.

Число воинов, которые погибли и похоронены в Смеле и Смелянщине и имена которых установлены, составляет **1033 человека**. Это, замечу, погибшие с установленными именами.

К полученному числу следовало бы добавить погибших воинов с неизвестными именами. К сожалению, прямые, исходные документы по этой категории потерь отсутствуют, а те данные, которые приводят по ним некоторые источники, настолько ненадежны, что приводить их здесь я не решаюсь.